

Vacek, Jiří

**[Смольская, Аделаида Константиновна; Митев, Дамян Петков.
Русское словообразование: имена]**

*Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada
jazykovědná. 1984, vol. 33, iss. A32, pp. 117-119*

ISSN 0068-2705

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100945>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ском языке. Автор в ней обобщает отдельные факты, вытекающие из анализа конкретных языковых единиц. Он стремится определить широкий круг факторов, влияющих на выбор конструкции места или направления, причем вполне справедливо наиболее важными считает факторы денотативного характера. При этом обнаруживается, что в русском языке форма конструкции с локальным значением в меньшей степени зависит от значения глагола, чем, напр., в чешском. Вследствие этого при определении содержания ключевых понятий „значение места/направления“, автор не опирается на семантику глагола, а исходит из членения локализации на „общую“ (с субкатегориями „обшестное/обнаправительное“ значение) и „конкретную“ („конкретностное“ или „конкретнонаправительное“ значение). На основании этого как определяющие форму конструкции с локальным значением выделяются такие факторы, как детализация значения места или предмета, затрагиваемого действием, или же самого действия, а вместе с тем как второстепенный фактор и величина предмета. Так, напр., возможность понимать действие как членимое позволяет употребить конструкцию места, т. е. предложный падеж, в высказываниях типа *Самолет приземлился на лужайке*, потому что говорящий в данном случае имеет в виду лишь конечный этап действия. Детализация места и действия определяет выбор конструкции места в высказываниях как *Он расставил горшки на подоконнике*. Наоборот, в тех случаях, когда детализация представляется невозможной, употребляется только конструкция направления, что отчетливо демонстрируется примером *Он повесил пальто на тонкий гвоздь*. Однако следует заметить, что в ряде случаев речь идет не столько о фактическом членении, сколько о детализации места или предмета в мысли говорящего, т. е. сущность явления относится к области психолингвистики.

Помимо перечисленных, в работе приводятся еще ряд факторов, которые в известной степени влияют на форму локальной конструкции. Из результатов опроса вытекает, что разные лица оценивают возможность употребления той или иной конструкции неодинаково, часто даже противоположно. Это, очевидно, вызвано тем, что они по-разному понимают обсуждаемую ситуацию и при выборе конструкции места или направления учитывают разные аспекты этой ситуации. Эта предпосылка и подтверждается многими примерами. Поэтому определение каких-либо правил употребления конструкций места и направления в конкретных предложениях представляет очень трудную задачу.

Последний раздел монографии — словарная часть, содержащая около 80 словарных статей, охватывающих лексические единицы, которые наиболее часто бывают носителями значения места или направления. Раздел богат материалом и отличается тщательным его анализом. Кроме конкретных примеров, здесь полностью приводятся и результаты проведенного опроса. Некоторые статьи содержат еще и краткий комментарий, рассматривающий вопросы, анализ которых нельзя было включить в теоретическую часть.

Особо следует подчеркнуть тот факт, что автору рецензируемой монографии удалось объяснить многие до сих пор спорные вопросы, связанные с проблематикой локализации пропозиции в русском языке. Кроме того, он указал на множество факторов, которые необходимо иметь в виду при изучении всей проблематики, и наметил перспективные пути для дальнейших исследований. По нашему мнению, один из этих путей представляет попытка объединить результаты исследования в целостную систему, в которой содержалась бы и дифференциация (или иерархизация) отдельных факторов по их значению при оформлении локальной конструкции, включая определение правил употребления конструкций места и направления в современном русском языке. Результаты такой работы несомненно нашли бы применение и в наших вузах.

Ян Штурала

Аделаида Константиновна Смольская, Дамьян Петков Митев: Русское словообразование. Имена. Государственное издательство „Народна просвета“, София 1978, 133 стр.

Внимание к словообразованию в последних десятилетиях возрастает, о чем свидетельствует и пособие, написанное известными языковедами А. К. Смольской и Д. П.

Митевым. Оно вносит вклад в изучение словообразования русского языка, как самостоятельной лингвистической дисциплины. Авторы адресовали данную книгу учителю-русисту, с целью повысить уровень учебно-педагогической работы при изучении русского языка учащимися болгарских школ.

Как свидетельствуют экспериментальные работы болгарских методистов, на этапе полного речевого усвоения слов важнейшие затруднения у болгарских учащихся вызывают лексемы, различающиеся в русском и болгарском языках словообразовательно, и как раз, знание словообразовательной системы русского языка, ее специфических особенностей, позволит учителю более оперативно руководить работой учащихся.

По своей структуре пособие разделено на три главы. В первой рассматриваются основные понятия словообразования, даются сведения из истории данной дисциплины в русском языкознании. Вторая и третья главы содержат описание словообразовательной системы имен существительных и прилагательных с синхронной точки зрения. Сразу после рассмотрения отдельных словообразовательных средств русского языка приводятся сопоставительные замечания. Они опираются на богатый фактический материал и работы болгарских лингвистов.

Во второй главе исследуются существительные с модификационным значением лица, невзростости, с предметным значением, отвлеченным значением, со значением собирательности и единичности, с уменьшительно-ласкательным, пренебрежительным и увеличительным значением. Более подробно анализируется суффиксация агентивных существительных, структура которых в болгарском языке та же, что и в русском, но различия сводятся к специализации суффиксов. Авторы приходят к выводу, что главным агентивным суффиксом в болгарском языке является суффикс *-ач* (напр. *водач*, *подносвач*, *довировач*). Русский формант *-ач* малопродуктивен, стилистически ограничен (ср. *свач*, *рифмач*), соединяется, в отличие от болгарского, и с именными основами (ср. *труба* — *трубач*). Далее исследуют соотносительность русского суффикса *-чик/щик* и болгарского *-ач* в области профессиональных наименований: русское *носильщик* и болгарское *носач*, русское *полировщик* и болгарское *полировач*. Сопоставляются образования на *-ант/-ент*, и авторы рассматривают различия между словами *абитуриент*, обозначающие на русском „поступающий в вуз“ и в болгарском „выпускник среднего учебного заведения“. По нашему мнению, лексические различия, выделяемые авторами, уступают место лишь стилистическому различию, так как и в русском языке существует слово *абитуриент* в устаревшем значении „выпускник средней школы“ (по словарю Ожегова).

В сопоставительных замечаниях на стр. 26 авторы приводят пример однозначного суффикса *-чане*, использующегося „для наименования лица по месту жительства“ (ср. *ростовчане*, *хабаровчане*). На этом месте можно сделать оговорку, что данный суффикс обозначает и лица, характеризующиеся отношением к коллективу или группировке (ср. *вагодчане*).

На стр. 51, где рассматриваются образования отвлеченных существительных, у суффикса *-щин(а)*, обозначающего общественно-бытовые, идейные течения, с оттенком отрицательного к ним отношения (ср. *канцелярщина*, *обывательщина*), можно было дополнить, что к этому типу примыкают и слова, мотивированные фамилиями (ср. *Хлестаков* — *хлестаковщина*) или фамилиями на *-ский*, в которых отсекается финаль *-ск*-основы (ср. *Достоевский* — *достоевщина*, *Неренский* — *керенщина*). Некоторые слова названного типа имеют также вторичное собирательное значение „группа предметов или лиц, характеризующаяся признаком или отношением к тому, что названо основой прилагательного (ср. *военщина*, *полицейщина*).

На стр. 52 у существительных со значением собирательности, кроме названных суффиксов можно упомянуть и суффикс *-ик(а)*, существительные с которым имеют значение „совокупность явлений, названных мотивирующим словом“, нередко с дополнительным значением „отрасль науки, учение об этих явлениях“: (ср. *символ* — *символика*, *метод* — *методика*). Далее суффикс *-ур(а)-атур(а)*, (ср. *аппарат* — *аппаратура*, *мускул* — *мускулатура*), или суффикс *-ад(а)*, (ср. *арка* — *аркада*, *колонна* — *колоннада*).

Третья глава содержит описание словообразования имени прилагательного. Опираясь на работы видных языковедов (Виноградова, Земской, Лопатина, Улуханова, Потихи), авторы удачно анализируют эту богатую словообразовательную систему. Но есть и некоторые неточности в классификации, которые касаются префиксального способа образования прилагательных. Некоторые префиксальные прилагательные (ср. *внутриатомный*, *надклассовый*, *дореволюционный*, *надднепровский*) авторы относят

к префиксально-суффиксальному типу (стр. 107—110), что по нашему мнению не совсем правильно. Также и при семантической мотивации прилагательных словосочетанием „прилагательное + существительное“ всегда имеет место префиксация. Причем в роли мотивирующего выступает прилагательное, входящее в это сочетание (ср. *атомное оружие — безатомный*), реже сложное прилагательное, мотивированное этим словосочетанием (ср. *Новый год — новогодний — предновогодний*). Вышеприведенное отношение к примерам в пособии на стр. 107, 110 „*пришкольный, надвидовой*“. Основанием для отнесения прилагательного к префиксально-суффиксальному способу является прежде всего отсутствие в языке суффиксального прилагательного, равного беспрефиксальной части рассматриваемого прилагательного.

На стр. 117—124 даются основные правила правописания имен существительных и прилагательных с учетом их морфемного состава (по терминологии авторов морфемной структуры). В приложении, на стр. 125—129, приводится набор упражнений, который призван дать некоторый материал и образцы для творческой работы по вопросам словообразования и орфографии. Первая половина упражнений связана с работой над структурой слов, остальные с работой по усвоению орфографии. Вслед за упражнениями приложен список использованной литературы (стр. 130—131). Учащиеся и учителя, на наш взгляд, наверное приветствовали бы в конце пособия алфавитный свод рассматриваемых словообразовательных аффиксов с указанием страниц.

Несмотря на некоторые наши замечания, мы должны сказать, что авторам удалось в сжатом и доступном виде представить две чрезвычайно богатые словообразовательные системы — словообразование имен существительных и прилагательных в сопоставлении с болгарским языком. Хотелось бы иметь подобное пособие и в русско-чешском сопоставительном плане.

Йиржи Вацек

Рудольф Иванович Яранцев: Словарь - справочник по русской фразеологии. Москва, „Русский язык“, 1981, 304 с.

В последние годы методистов все больше привлекают теоретические и практические вопросы лексикографического описания русской фразеологии в системе учебной лексикографии в целом. Это вполне объяснимо. Ведь знание фразеологии является одним из показателей хорошего владения языком как родным, так и иностранным. Однако учебная лексикография русской фразеологии еще только складывается. Перед методистами, а также авторами-составителями учебных словарей встают проблемы, обусловленные прежде всего учебно-методической целесообразностью. Это — проблемы выработки принципов приемов презентации фразеологического материала, оптимальной структуры словаря и непосредственно словарной статьи, рациональных вариантов описания фразеологических единиц. Вместе с тем уже можно говорить о складывающихся профилях учебных фразеологических словарей: прежде всего это двуязычные (русско-национальные и национально-русские) фразеологические словари, далее — словари русской фразеологии (без переводов фразеологизмов на другой язык). В последних преобладает алфавитный принцип расположения словарных единиц (ср. „*Фразеологический словарь русского языка*“, под ред. А. И. Молоткова, Москва, 1967¹, 1978²; сокращение: *ФСРЯ*), между тем как двуязычная лексикография как будто отказалась от алфавитного принципа в пользу гнездового (ср. А. Э. Бивнович—Н. Н. Гришин: *Немецко-русский фразеологический словарь*, Москва, 1975).

Что касается предлагаемого Словаря-справочника, то его можно квалифицировать как новый тип учебного словаря русской фразеологии. Новизна его состоит в том, что это словарь тематический, вернее, тематико-ситуационный. Он представляет собой опыт описания русской фразеологии в тематико-ситуационном аспекте. Автор данного Словаря-справочника ведет уже много лет на филологическом факультете МГУ семинар по фразеологии для иностранных студентов. На основании многолетней практики он пришел к заключению, что изучение русской фразеологии на продвинутом этапе эффективнее строить по „тематическим полям“, т. е. по своеобразным рядам фразеологических единиц, объединенным каким-либо определенным семантическим признаком.